

— Извините, но вам пока запрещено покидать дом, — сообщили телохранители, преградившие путь собравшейся в аэропорт художнице.

Ошеломлённая Юри так и встала на пороге, держа сумочку и багаж. Билет на самолёт до Нью-Йорка первого класса, находящийся в руке женщины, превратился в бесполезный мусор, а вместе с тем началось её заключение.

Сколько Юри предстояло пробыть взаперти, знал лишь сам Тхэджун. Смирившись с обстоятельствами, Юри наскоро придумала отговорку, связалась с дядей и отменила прилёт.

Менеджер Чхве ощущала стыд за сложившуюся ситуацию, пусть и не несла за неё ответственность, однако, несмотря на всю свою жалость к пленнице, ничего поделать бы не смогла. Какую бы силу ни обрело её сочувствие, госпожа Чхве не посмела бы пойти против воли начальника.

После той ночи многое изменилось. Одни изменения вызывали шок, другие же представлялись вполне закономерными. Себастьяна переставили на другое место. Верно, чучело пса, многие годы преданно служившего хозяину, а после украшавшего собой гостиную, сместили с пьедестала, и без него в помещении стало пустовато.

Хозяин дома не возвращался, даже его тень не мелькала в окрестностях. Периодические поставки нарядов, туфель и сумочек тоже прекратились. Это были не простые подарки. Даже Юри, не заинтересованная в модных марках, знала, что презенты эти выпускаются под самыми роскошными дизайнерскими брендами. Теперь в доме остались лишь Юри, прислуга, менеджер Чхве и телохранители.

Давненько у Юри не выдавалось спокойных ночей, особенно после начала сожительства с Тхэджун. Обычно женщина оказывалась настолько измотана, что, сама того не замечая, проваливалась в глубокий сон. Такой сон художницу не устраивал, но и других вариантов она не имела. Юри ценила спокойные ночи, возможно, в том числе и из-за того, что раньше любовник мучил её и во снах.

К своему удивлению, оставленная в покое Юри никак не смогла заснуть.

Воистину, после «той самой» ночи сон упорно ускользал от неё. Юри лежала в постели посреди темноты, глядела в потолок, пускалась в расплывчатые раздумья, но только не спала.

Именно это сегодня и происходило. Спустя часы тщетных нажатий на переключатель лампы и возвращений в кровать Юри так и осталась в бодрствовании. Вжав голову в подушку, она начала считать дни. Один, два, три... так и досчитала до недели.

Первые два дня Юри пребывала в абсолютном ужасе, настолько сильном, что пугалась даже собственной тени. Художница боялась, что Тхэджун вернётся и снова овладеет её телом с той же самой жестокостью, боялась быть придавленной и беспощадно растерзанной. Юри была

изранена как телесно, так и ментально, и раны эти отказывались затягиваться.

Наступил третий день, а пострадавшая так и не смогла отделаться от мыслей о мучителе. Взгляд тёмных глаз, звук холодного голоса и предельная грубость преследовали художницу, как бы плотно она ни закрывала глаза и уши. Бедную женщину заперли в мрачной темнице, из которой ей не сбежать.

Изменения в поведении хозяйской любовницы заметила и госпожа Чхве. Надсмотрщица не знала всех подробностей нынешних отношений пары, однако круглосуточную одержимость Юри мыслями о господине Со подметила верно. Госпожа Чхве достаточно повидала за свою жизнь, и потому, даже не ведая, что именно произошло между любовниками, ощущала сочувствие к женщине, посаженной под домашний арест, а также коротко уведомила её о деловой поездке Со Тхэджуна в Пусан.

«Наверно, он меня ненавидит и больше никогда ко мне не вернётся. Тогда... что же станет с договором? Вообще, будет здорово, если на этом его действие и окончится: всё равно отношения, имеющие срок действия, обречены на провал», — размышляла Юри.

С этими мыслями женщина вскрикнула и схватилась за лоб. В её голове вновь зазвучали голоса, возвращающиеся при каждом недосыпе. Юри не спала уже несколько дней, так что в этом симптоме не было ничего удивительного. Сперва художницу начинали преследовать видения, затем — эхом раздающиеся голоса; постепенно видения отступали и лишь голоса оставались в её голове.

Юри пробовала перебить галлюцинации чтением книг или просмотром телепередач, но всякий раз голова разражалась болью. Что бы она ни предпринимала, освободиться от мучений не удавалось. Художница потеряла аппетит, употребление пищи превратилось в задачу, которую она выполняла механически, лишь из телесной необходимости.

Берясь за карандаш и рисуя, чтобы убить время, Юри неизбежно выводила одно и то же лицо, каждый раз — в новом виде: иногда — рассудительное, иногда — злое, иногда — сконцентрированное на сексе, или улыбчивое, или хмурое... Все эмоции, что только видела Юри, заполняли собой один лист за другим. Когда работа подходила к концу, женщина долго смотрела на своё творение.

«Одна неделя, семь дней, сто шестьдесят восемь часов... или уже больше?» — думалось ей.

Юри встрепенулась, повернула голову и задумалась о смысле своего положения. В чём польза этих ежедневных движений, выполняемых как по часам? К чему она идёт? Как долго она сможет выдерживать синдром отмены, устремляющий её здоровье в бездонную пропасть? Лишенная сна Юри начинала скучать по жёсткому сексу с героем своих рисунков, пусть и не понимала, действительно ли засыпает после него или просто теряет сознание.

«В насколько большее опустошение вы хотите меня ввергнуть?» — раздался в голове горестный голос, от коего щемило сердце даже теперь. Если уж начистоту, Юри никогда не

желала унижить Тхэджуна, напротив, ей хотелось скрыть от него свою низость. В тот миг, когда господин Со ворвался в дом и потребовал объяснений, художница взбесилась, узнав, что её постыдный секрет раскрыт. Юри в отчаянии старалась отговориться и, чтобы защитить себя, решила оказать сопротивление. Правда была неудобной, а сама Юри — неготовой к ответу: раскрываться перед Тхэджуном она не собиралась.

Забавно осознавать, с каким усердием Юри стремилась показаться безупречной; вопреки всякому рвению эта цель недостижима и иллюзорна, но столь же навязчива, как и Тхэджун.

В итоге же господин Со разбил мечту возлюбленной на осколки, изорвал фантазии и резко выдернул её из грёз в реальность.

От звона в ушах, набирающего громкость, Юри вскочила с кровати. Этой ночью ей точно не уснуть. Спешным шагом художница направилась в подвал, надеясь, что бесцельные зарисовки принесут хоть какое-то облегчение, в противном случае звон совершенно точно сведёт её с ума.

Чудесным образом запах краски и дерева успокоил напряжённые нервы. Юри сделала глубокий вдох, включила свет и взялась перелистывать блокнот для эскизов. В этот момент из зазора между страниц выпал небольшой конверт, полученный вместе с подарками от Тхэджуна.

Замеченный конверт Юри тут же узнала. Она могла бы попросить менеджера Чхве избавиться от него, однако предпочла сохранить. Вероятно, таким образом женщина хотела напомнить себе, что её отношения с Тхэджуном, в которых они изображают парочку, лишь мимолётны. Как ни прискорбно думать об этом, факт остаётся фактом.

Юри раздумывала, стоит ли ей вскрыть конверт. Повертев его в руках, она прощупала содержимое, похожее на фотографии. Кто бы ни присылал фотографии, он определённо имеет к этому пристрастие: посылка такого рода поступила художнице уже во второй раз.

Как и прежде, пока ещё запечатанные фотографии вызывали у Юри дурное предчувствие. Сделав выбор, получательница небрежно надорвала конверт, но то, что в нём находилось, оказалось за пределом всяких ожиданий.

— Ч-что это?! — истошно возопила Юри.